

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Юрген Хабермас (Штарнберг, ФРГ)
Перевёл с немецкого Александр Голозубов и Надежда Бевз

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ И РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

На основі численних життєвих прикладів здійснюється системний аналіз специфічної категорії людської гідності. Виходячи з конкретних проблем, показано різні аспекти ролі людської гідності, що виявляються в надмірному досвіді переживання почуття приниження і глибокої образи.

Ключові слова: людська гідність, права людини, приватне життя, почуття образи.

На основе множества жизненных примеров проводится системный анализ специфической категории человеческого достоинства. Исходя из конкретных проблем, показаны различные аспекты роли человеческого достоинства, проявляющиеся в избыточном опыте переживания чувства унижения и глубокой обиды.

Ключевые слова: человеческое достоинство, права человека, частная жизнь, чувство обиды.

On the basis of great number of vital examples the analysis of the systems of specific category of human dignity is conducted. Coming from concrete problems, the different aspects of role of human dignity, showing up in surplus experience of experiencing senses of humiliation and deep offense are shown.

Keywords: human dignity, human rights, private life, sense of offense.

Статья 1 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 года начинается с утверждения: «Все человеческие существа рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».¹ Преамбула говорит о человеческом достоинстве и правах человека в том же духе. В ней подтверждается «вера в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности ...» Основной закон Федеративной Республики Германии, принятый еще шестьдесят лет назад, начинается с раздела, посвященного основным правам. Статья 1 этого раздела открывается тезисом: «Достоинство человека неприкосновенно». До этого подобные формулировки содержались в трех из пяти немецких конституций, принятых между 1946 и 1949 годами. «Человеческому достоинству» сегодня уделяется

¹ Первое предложение преамбулы призывает в то же время признать «достоинство» и «равные и неотъемлемые права всех членов человеческого сообщества.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

первостепенное внимание в дискурсе прав человека и в судебном процессе принятия решений.²

Неприкосновенность человеческого достоинства приковала внимание немецкой общественности в 2006 году, когда Федеральный конституционный суд признал «Закон об авиационной безопасности» не соответствующим Конституции. Принимая этот закон, парламентарии были обеспокоены возможным повторением сценария террористической атаки на башни-близнецы Всемирного торгового центра «9/11». Законопроект был направлен на то, чтобы санкционировать действия военных в подобной ситуации, направленные на то, чтобы сбить пассажирский самолет, превращенный в живую ракету, и предотвратить, таким образом, угрозу значительно большему количеству людей на земле. Тем не менее, суд занял позицию, суть которой состоит в том, что убийство пассажиров силами государства при таких обстоятельствах будет неконституционным. Суд посчитал, что обязанность государства (согласно ст. 2.2 GG)³ по защите жизни потенциальных жертв террористической атаки является вторичной по сравнению с обязанностью уважать человеческое достоинство пассажиров: «...государство, в одностороннем порядке лишая жизни лиц, находящихся на борту воздушного судна ... отрицает ту ценность, каковой обладает человеческое существо само по себе».⁴ Эхо категорического императива Канта безошибочно угадывается в этих словах Суда. Уважение к достоинству каждого человека запрещает государству рассматривать кого-либо лишь как средство для достижения другой цели, даже если этой целью является жизнь многих других людей.⁵

Вызывает интерес то обстоятельство, что вскоре после Второй мировой войны философская концепция человеческого достоинства, которая уже существовала в античности и нашла свое классическое выражение у Канта, получила продолжение в текстах международного права и недавних национальных учреждениях. С другой стороны, понятие человеческого достоинства не рассматривалось как юридическое понятие ни в классических декларациях прав человека в восемнадцатом веке, ни

² E. Denninger. «Der Menschenwürdesatz im Grundgesetz und seine Entwicklung in der Verfassungsrechtsprechung» (Ms. 2009).

³ «Каждая личность имеет право на жизнь и физическую целостность».

⁴ BverfG, 1 BvR 357/05 vom 15.02.2006, Absatz-Nr. 124. (English translation: frup://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rs2006'0215_ibvr035705en.html). On the judgement, see J.v. Bernstorff, “Luftsicherheitsgesetz und Menschenwürde. – Zum unbedingten Vorrang staatlicher Achtungspflichten im Anwendungsbereich von Art 1 GG” (Ms. 2008).

⁵ Кант отрицает концепцию достоинства в контексте морального предписания рассматривать каждого человека как цель в себе следующим образом: «(Все) имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено так же и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством». Kant, *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, ed. and trans. M. Gregor (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), p. 42 (4: 434).

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

в кодифікаціях девятнадцатого века.⁶ Почему «права человека» стали важной темой законодательства гораздо раньше, чем «человеческое достоинство»? Конечно, основополагающие документы Организации Объединенных Наций, которые отобразили явную связь между правами человека и человеческим достоинством, дали ясный ответ на массу преступлений, совершенных нацистским режимом, а также массовые убийства во время Второй мировой войны. Повлияло ли это обстоятельство на то первостепенное место, которое заняло человеческое достоинство в послевоенных конституциях Германии, Италии и Японии, принятие которых было обеспечено правящими режимами стран, являвшихся непосредственными виновниками и участниками моральной катастрофы двадцатого века? Разве лишь только на историческом фоне Холокоста идея прав человека была морально отягощена, возможно, даже чрезмерно, понятием человеческого достоинства?

То, что интерес к понятию «человеческого достоинства» появился лишь недавно в дискуссиях по конституционному и международному праву, свидетельствует в пользу данного тезиса. Существует только один исключительный пример из середины девятнадцатого века. В обоснование отмены смертной казни и телесных наказаний в § 139 Конституции Германии, принятой в марте 1849 года, приводится утверждение: «свободные люди должны уважать человеческое достоинство даже в случае если речь идет о преступнике.»⁷ Тем не менее эта Конституция, которая была продуктом первой буржуазной революции в Германии, не вступила в силу! Так или иначе, временной разрыв между историей прав человека, начало которой восходит к семнадцатому веку, и приобретшей актуальность относительно недавно концепцией человеческого достоинства в кодификациях национального и международного права и в отправлении правосудия, в течение последнего полувека, остается поразительным фактом.

Вопреки предположению о ретроспективном моральном приращении прав человека я хотел бы защитить тезис о том, что тонкая, первоначально как будто лишь подразумеваемая, концептуальная связь между названными понятиями существовала с самого начала. Интуиция подсказывает нам, что права человека всегда были результатом сопротивления деспотизму, угнетению и унижению. Сегодня никто не может произнести эти болезненные статьи – например, утверждение: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию» (ст. 5 Декларации) – без того чтобы услышать в них отголосок криков тех бесчисленных человеческих существ, подвергавшимся пыткам и

⁶ C. McCrudden. “Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights,” *The European Journal of International Law* 19 (2008): 655-724.

⁷ Denninger (2009), p. 1.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

убийствам. Апелляція к правам человека питаєт возмущение тех, кто унижен посягательством на свое человеческое достоинство. Если это создает историческую отправную точку, то следы концептуальной связи между достоинством человека и правами человека могут быть прослежены очевидным образом, начиная с ранних форм законодательства. Таким образом, перед нами встает вопрос о том, означает ли «человеческое достоинство» самостоятельный нормативный базовый концепт, из которого права человека могут быть выведены путем указания условий, при которых они нарушаются. Или же это выражение обеспечивает лишь пустую формулу, которая суммирует каталог индивидуальных, безотносительных прав человека?

Я представлю некоторые правовые основания в поддержку того тезиса, что «человеческое достоинство» не выполняет роль только классификатора, так сказать, пустого ящика для карточек, который объединяет под одной рубрикой множество различных явлений, но является моральным «источником»⁸, дающим существование всем основным правам (1). Затем я представлю, в понятиях концептуальной истории, анализ каталитической роли, которую играет понятие достоинства в строительстве здания прав человека, из рациональной морали, с одной стороны, и из формы субъективных прав, с другой (2). Наконец, происхождение прав человека из нравственного понятия человеческого достоинства объясняет взрывную политическую силу конкретной утопии, которую я хотел бы защитить от полного отказа от прав человека (Карл Шмитт), с одной стороны, и от более недавних попыток ослабить радикальный напор со стороны последних, с другой (3).

(1) По причине своего абстрактного характера основные права должны быть прописаны в конкретных терминах в каждом конкретном случае. В ходе этого процесса законодатели и судьи часто приходят к разным результатам в разных культурных контекстах; сегодня это видно, например, в регулировании спорных этических вопросов, таких как эвтаназия, аборт, генная инженерия. Также бесспорно, что в связи с этой необходимостью интерпретации, универсальные правовые понятия способствуют выработке компромиссов. Таким образом, обращение к концепции человеческого достоинства, несомненно, сделало более достижимым консенсус, например, в процессе создания Организации Объединенных Наций и в целом в ходе выработке соглашений о правах человека и международно-правовых конвенций, так же как при вынесении решений относительно международно-правовых споров между сторонами, представляющими разные культуры: «Все согласны с тем, что

⁸ Как установлено конституцией штата Саксония, вступившей в силу в 1989 году.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

человеческое достоинство имеет центральное значение, но не в вопросе о том, почему и как.”⁹

Несмотря на это наблюдение, юридическое значение человеческого достоинства выхолащено возведением дымовой завесы для маскировки более глубоких различий. Тот факт, что понятие «человеческого достоинства» также может иногда способствовать выработке компромисса при определении и расширении прав человека путем нейтрализации непреодолимых различий, не может объяснить его запоздалое появление в качестве юридического понятия. Я хотел бы заявить, что меняющиеся исторические условия просто заставляют нас осознать нечто, что было описано в области прав человека неявно с самого начала, а именно нормативную сущность равного достоинства каждого человеческого существа, которое права человека делают только более явным. Таким образом, судьи апеллируют к защите человеческого достоинства, когда, например, непредвиденные риски новых инвазивных технологий приводят к внедрению нового права, например права на информационное самоопределение.¹⁰

Таким образом, опыт попрания человеческого достоинства выполнял и все еще может выполнять провоцирующую функцию во многих случаях: в связи с невыносимыми социальными условиями и маргинализацией беднейших социальных классов; в связи с неравным лечением женщин и мужчин на рабочем месте, а также дискриминацией в отношении иностранцев и представителей культурных, языковых, религиозных и расовых меньшинств; в связи с тем испытанием, которому подвергаются молодые женщины из иммигрантских семей перед необходимостью пренебречь традиционным кодексом чести, или, наконец, в связи с жестоким изгнанием нелегальных иммигрантов и лиц, ищущих убежища. В свете подобных конкретных проблем различные аспекты значения человеческого достоинства обнаруживают себя в избыточном опыте переживания чувств унижения и глубокой обиды. Особенности человеческого достоинства, определенные и актуализированные таким образом, могут вести к дальнейшему выхолащиванию существующих гражданских прав и к открытию и конструированию новых. В русле этого процесса чувствительность к унижению заявляет о себе сначала в сознании страдающих индивидов, а затем в юридических текстах, где находит концептуальную артикуляцию и разработку.

Примером этого является Конституция Веймарской Республики 1919 года, в тексте которой впервые были введены социальные права. В статье 151 говорится об «обеспечении для всех достойного человека

⁹ McCrudden (2008), p. 678. Автор говорит в этой связи (с. 719ff.) о «приручении и контекстуализации прав человека».

¹⁰ В связи с этим McCrudden (2008) говорит об «оправдании создания новых и расширении существующих прав» (p. 721).

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

существования.» Здесь понятие человеческого достоинства остается скрытым за адъективным использованием разговорного выражения. Но уже в 1944 г. Международная организация труда (МОТ) использует риторику человеческого достоинства без квалификации в подобном контексте. Более того, всего лишь через несколько лет статья 22 Всеобщей декларации прав человека уже призывает гарантировать экономические, социальные и культурные права, так чтобы каждый человек мог бы жить при условиях, которые являются «необходимыми для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности». С тех пор мы говорим о последовательных «поколениях» прав человека. Эвристическая функция человеческого достоинства является ключом к логическим взаимосвязям между этими четырьмя категориями прав.

Либеральные права, которые кристаллизуются вокруг неприкосновенность и безопасности личности, свободной торговли и беспрепятственного осуществления религиозных отпращиваний, предназначены для предотвращения вторжения государства в частную сферу. Они составляют, вместе с *демократическими правами участия*, пакет так называемых классических гражданских прав. На самом деле, однако, граждане имеют равные возможности использовать эти права только тогда, когда они одновременно наслаждаются гарантиями достаточного уровня независимости в личной и экономической жизни, и когда они в состоянии формировать свою личную идентичность в определенной их выбором культурной среде. Опыт исключения, страдания и дискриминация учит нас, что классические гражданские права приобретают «равную ценность» (Rawls) для всех граждан только тогда, когда они *дополняются* социальными и культурными правами. Претензия на соответствующую долю в благосостоянии и культуре общества в целом ограничивает возможности для перекладывания *системных* расходов и рисков на плечи *индивидов*. Эти заявления направлены против вопиющего социального неравенства и против исключения целых групп из социальной и культурной жизни. Таким образом, политические взгляды, подобные тем, которые преобладали в последние десятилетия не только в Соединенных Штатах и Великобритании, но и в континентальной Европе, да и во всем мире, и претендуют на способность обеспечить автономную жизнь для граждан *главным образом* через гарантии экономических свобод, ведут к разрушению баланса между различными категориями основных прав. Человеческое достоинство, которое одно и то же везде и для каждого, создает основания для *неделимости* всех категорий прав человека. Только совместно основные права могут реализовать в полной мере моральное обязательство уважать человеческое достоинство каждого человека в равной степени.¹¹

¹¹ G. Lohmann, «Die Menschenrechte: unteilbar und gleichgewichtig?», in

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Подобное развитие ситуации также объясняет заметную роль, которую в последнее время играет это понятие в отправлении правосудия. Чем более важное место гражданские права занимают в правовой системе в целом, тем чаще их влияние выходит за пределы вертикальной связи между отдельными гражданами и государством и пронизывает горизонтальные отношения между людьми и группами. Результатом является распространение мнения о том, что призыв к уравниванию своих притязаний основан на базовых правах.¹² Обоснованное решение в таких непростых случаях часто становится возможным только путем апелляции к оскорблению человеческого достоинства, поскольку абсолютная ценность последнего позволяет претендовать на приоритетность. В судебном дискурсе, следовательно, роль этого концепта далека от того, чтобы быть неясной подменой для отсутствующей концептуализации прав человека. «Человеческое достоинство» выполняет функцию сейсмографа, регистрирующего, что является конститутивным для демократического правового устройства, а именно права, которые участники политического сообщества должны обеспечить для себя самих, если они хотят быть в состоянии уважать друг друга как членов добровольной ассоциации свободных и равных индивидов. *Гарантия этих прав человека повышает статус граждан, которые, как субъекты равных прав, могут претендовать на уважение человеческого достоинства.*

После двухсот лет современной конституционной истории мы должны лучше понять то, что отличает это развитие с самого начала: *человеческое достоинство формирует «портал», через который эгалитарная и универсалистская сущность морали переходит в законодательство.* Идея человеческого достоинства является концептуальным стержнем, соединяющим мораль равного уважения к каждому с позитивным правом и демократическим законотворчеством таким образом, что их взаимодействие может привести к установлению политического порядка, основанного на правах человека. Надо отметить, что классические декларации о правах человека, когда они говорят о «врожденных» или «неотъемлемых» правах, или «имманентных» или «естественных» правах, или «*droits inaliénables et sacrés*», передают свои религиозные и метафизические истоки: «Мы считаем, что эти истины являются самоочевидными, что все люди наделены ... определенными неотчуждаемыми правами...» В светском государстве, тем не менее, такие предикаты функционируют главным образом в качестве регистраторов;

Menschenrechtszentrum der Universität Potsdam, 2005), pp. 5-20.

¹² Дискуссия по поводу т.н. горизонтального эффекта [*Drittwirkung*] базовых прав, которая происходила в Европе в прошлом веке, недавно отозвалась эхом в США, см. S. Gardbaum, «The Horizontal Effect of Constitutional Rights», *Michigan Law Review* 102 (2003): 399-495.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

они напоминают нам о режиме *общеприемлемого оправдания*, чье эпистемологическое измерение находится *за пределами государственного контроля*. Отцы-основатели, кроме того, признали, что права человека, несмотря на их чисто моральное оправдание, нуждаются в демократической «Декларации» и должны применяться в конструктивном ключе в пределах установившегося политического сообщества.

В силу того что *моральное обещание* равного уважения каждому должно быть узаконено в *правовом порядке*, права человека представляют двуликого Януса, обращенного одновременно к морали и праву.¹³ Несмотря на свое исключительно нравственное содержание, они имеют вид нормативных субъективных прав, которые гарантируют предоставление конкретных свобод и прав. Эти права и свободы должны быть детализированы в конкретных условиях, на основе демократического законодательства, определены в каждом конкретном случае в судебных решениях, а их выполнение обеспечено принудительно в случае нарушения. Таким образом, права человека описывают в точности ту и только ту часть морали, которая может быть переведена в плоскость принудительных прав и стать политической реальностью в надежной форме эффективного гражданского права.¹⁴

(2) В этой совершенно новой категории прав воссоединяются два элемента, которые впервые были отделены в процессе распада христианского естественного права, а затем их развитие шло в противоположных направлениях. Результатом этой дифференциации

¹³ G. Lohmann, "Menschenrente zwischen Moral und Recht", in S. Gosepath and G. Lohmann (eds.), *Philosophie der Menschenrechte* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998), pp. 62-95.

¹⁴ Это не означает пересмотра, но дополняет мое первоначальное введение в систему прав (J. Habermas, *Between Facts and Norms* (Polity Press) 1996, 118-131; id. *Constitutional Democracy: A Paradoxical Union of Contradictory Principles?*, *Political Theory* 29 (2001), 766-781). Права человека отличаются от моральных прав в том, что первые ориентированы на институционализацию и призывают к разделенному акту инклюзивного формирования воли, в то время как морально действующие лица уважают друг друга без дальнейшей координации своих действий, как субъекты, которые с самого начала укоренены в сети моральных прав и обязанностей (см. cf. J. Flynn, *Habermas on Human Rights: Law, Morality, and International Dialogue*, *Social Theory and Practice*, Vol. 29, no. 3 2003, 431-457, here 437-). Но я изначально не учитывал две вещи. Во-первых, совокупный опыт нарушенного достоинства является источником моральных мотиваций для ввода в исторически беспрецедентную практику конституционного творчества, начиная с конца 18 века. Во-вторых, статусобразующее понятие социального признания достоинства других обеспечивает концептуальный мост между моральной идеей равного уважения ко всем и юридической формой прав человека. Я оставляю в стороне вопрос о том, имеет ли смещение акцента в сторону этих вопросов дальнейшие последствия для моего дефляционного прочтения дискурсивного принципа 'D' как части обоснования основных прав (cf. J. Habermas, *On the Architectonics of discursive Differentiation*, in: id., *Between Naturalism and Religion* (Polity), Cambridge UK 2008, 77-97).

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

явилась, с одной стороны внутренняя, рационально оправданная мораль, укорененная в личной совести, которая у Канта вытесняется полностью в трансцендентальную область, а с другой стороны принудительный, позитивный, вступивший в действие закон, который служил абсолютистским правителям и традиционным собраниям сословий инструментом для построения институтов современного государства и рыночного общества. Концепция прав человека является продуктом невероятного синтеза этих двух элементов. *«Человеческое достоинство» выполняет концептуальную роль в установлении этой связи.* Это обстоятельство наводит меня на мысль бросить беглый взгляд назад на концептуальную историю, в ходе которой старые римские и христианские концепции «человеческого достоинства» сами трансформировались в процессе этого современного синтеза. Интересен еще один концептуальный элемент, понятие *социального достоинства* в смысле чести, что стало ассоциироваться с особым статусом в стратифицированных обществах средневековой и ранней современной Европы.¹⁵ Следует признать, что гипотеза, которую я собираюсь развивать, требует дополнительного исследования, с точки зрения, как концептуальной истории, так и истории европейских революций.

Здесь я хотел бы выделить лишь два аспекта: с одной стороны, посредническую функцию «человеческого достоинства» в смещении перспективы от моральных обязательств к судебным требованиям (а), и, с другой стороны, парадоксальное обобщение концепта достоинства, изначально ориентированного не на какое-либо равное распределение достоинства, а на статусные различия (б).

а) Современные доктрины морали и права, которые уповают на человеческий разум, разделяют концепции индивидуальной автономии и равного уважения к каждому. Это общее основание морали и права часто скрывает решающее различие, состоящее в том, что в то время как мораль предписывает *обязательства* по отношению к другим, которые пронизывают все сферы деятельности без исключения, современный закон создает четко определенные *области* частного выбора для исполнения индивидуальной жизни каждым. На основании революционной предпосылки, что дозволено все то, что прямо не запрещено, субъективные права скорее, чем обязанности, являются отправной точкой для строительства современных правовых систем. Руководящим принципом для Гоббса, так и для современного права в целом, является то, что все люди имеют возможность действовать или воздержаться от совершения действий по своему усмотрению в пределах закона. Актеры оказываются во власти другой перспективы, когда, вместо того чтобы следовать

¹⁵ По поводу эволюции правового концепта человеческого достоинства через обобщение статусного достоинства в силу рождения, см. J. Waldron, "Dignity and Rank," *Archive Europeenne de Soziologie XI*, (2007): 201-37.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

моральним установленням, *используют* свои права. Личность в моральном отношении вопрошает себя, чем она обязана в отношении другой личности независимо от своего социального к ней отношения – насколько хорошо она знает другого человека, как тот себя ведет, и что можно от него ожидать. Люди, которые состоят в правовых отношениях друг с другом, обеспокоены потенциальными требованиями, которые другие могут выдвигать по отношению к ним. В правовом сообществе одно лицо берет на себя обязательства как результат требований со стороны другого лица¹⁶.

Возьмем случай с полицейским, который хочет выбить признание из подозреваемого, используя незаконные угрозы пыток. В его роли как нравственной личности одной этой угрозы, не говоря уже о фактическом причинении боли, достаточно, чтобы говорить о нечистой совести, независимо от поведения преступника. С другой стороны, правовое отношение актуализируется между полицейским, который действует незаконно, и индивидом, подвергающимся допросу, только тогда, когда последний защищает себя и прибегает к правовым мерам, чтобы защитить свои права (или эту функцию выполняет общественный обвинитель). Естественно, в обоих случаях лицо, подвергающееся угрозе, является источником нормативных требований, соблюдение которых нарушается при применении пыток. Тем не менее, того факта, что действия, о которых идет речь, нарушают моральные нормы, достаточно, чтобы сделать совесть преступника нечистой, тогда как правовое отношение, которое объективно нарушено, пребывает в латентной форме, пока не выдвинуто актуализирующее его требование.

Таким образом, Клаус Гюнтер видит в «переходе от взаимных моральных обязательств к взаимно установленным и согласованным правам»¹⁷ акт «от самоуполномочивания к самоопределению». Переход от морали к закону предусматривает переход от симметрично переплетенных перспектив уважения и принятия автономии *другого* к выдвижению претензий на признание *собственной* автономии со стороны другого. Доставляющий нравственное удовлетворение интерес к другому заменяется сознательным требованием юридического признания в качестве самостоятельного субъекта, который «живет, чувствует и действует в соответствии с его (ее) собственным суждением.»¹⁸ Таким образом,

¹⁶ Lohmann (1998), p. 66: “Моральное право считается оправданным, когда существует соответствующий моральный долг, что рассматривается как обоснованное, юридическое право, когда оно является частью позитивного правопорядка, который может претендовать на законность в целом».

¹⁷ Который Lohmann (1998), p. 87, кажется, неправильно понимает как переход от традиционной морали к просвещенной.

¹⁸ K. Günter, “Vom vertikalen zum horizontalen Verständnis der Menschenrechte”?: (Ms. 2009), p.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

юридическое признание, на которое *претендуют* граждане, выходит за рамки взаимного морального признания ответственных субъектов; имеет конкретный смысл уважения, которое требует к себе заслуживающий этого статус, и как таковое, оно пронизано коннотациями «достоинства», связанными в прошлом с членством в социально значимых корпорациях.

Конкретное понятие достоинства или «социальной чести» принадлежит миру иерархически упорядоченных традиционных обществ. В таких обществах источником чувства собственного достоинства и самоуважения мог выступать кодекс чести дворян, этос торговых гильдий и профессий или корпоративный дух университетов. Когда эти обусловленные статусом достоинства, примеров которых можно привести множество, объединяются в универсальное достоинство человеческих существ, это новое, абстрактное достоинство утрачивает особенные характеристики корпоративного этоса. Тем не менее, унифицированное достоинство, право на которое предоставлено всем лицам в равной степени, в то же самое время сохраняет коннотацию самоуважения, зависимость от общественного признания. Будучи, по сути, формой социального достоинства, человеческое достоинство также требует «укоренения» в социальном статусе, например членства в организованном сообществе в определенном времени и пространстве. Но в этом случае статус должен быть равным для всех. Таким образом, понятие человеческого достоинства переводит содержание морали равного уважения к каждому в плоскость статусного порядка граждан, которые приобретают своё самоуважение в силу того факта, что они признаны всеми другими гражданами как субъекты равных защищенных законом прав.

В данном контексте очень важно, что этот статус может быть установлен только в рамках структуры конституционного государства, то есть чего-то, что никогда не возникает само по себе. Скорее, эта структура должна быть создана самими гражданами, с использованием возможностей позитивного права, и должна быть защищена при исторически меняющихся условиях. Как современное юридическое понятие, человеческое достоинство ассоциируется со статусом, который граждане присваивают себе в созданном ими политическом строе. Граждане могут прийти к наслаждению от пользования адресованными им правами, защищающими их человеческое достоинство, только предварительно объединившись в качестве авторов демократического соглашения об установлении и поддержании политического строя, основанного на правах человека.¹⁹ В условиях такого сообщества самостоятельно

¹⁹ Таким образом, права человека не противопоставляются демократии, но имеют общее с ней происхождение. Отношение между ними является одним из общих допущений: права человека делают возможным демократический процесс, без которого они не могли бы, в свою очередь, быть принятыми и конкретизированными в рамках

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

законодательствующих граждан достоинство, наделенное статусом демократического гражданства, подпитывается высокой республиканской оценкой соответствующей ориентации на общественное благо. Это реминисценция того значения, которое древние римляне связывали со словом *dignitas*, а именно престиж государственных деятелей и чиновников, которые служили «общему делу». Конечно, отличие достоинства нескольких выдающихся лиц контрастирует с достоинством, которое правовое государство в равной степени гарантирует всем гражданам.

Тем не менее, Джереми Уолдрон обращает внимание на тот парадоксальный факт, что эгалитарная концепция достоинства человеческой личности является результатом обобщения партикулярных достоинств, которые не должны в полной мере терять коннотацию «тонких различий»: «Достоинство», однажды скрепленное с иерархической дифференциацией ранга и статуса, теперь выражает идею, что все человеческие лица принадлежат к одному и тому же рангу и этот ранг очень высок.²⁰ Уолдрон рассматривает этот процесс обобщения так, что все граждане в нынешнее время могут достичь высокого ранга, например, такого, который когда-то был предназначен только для знати. Но означает ли это равное достоинство для каждого человека? Даже прямые предшественники концепции человеческого достоинства в философии стоиков и римского гуманизма (например, Цицерон) не связаны в семантическом отношении с эгалитарным смыслом современного понятия. В то же время было разработано *собирательное* понятие *dignitas humana*, но оно было объяснено с точки зрения отличительного статуса человеческого существа в мироздании, доставляющего ему удовольствие особенного положения по отношению к «низшим» формам жизни в силу наличия специфических способностей, таких как разум и рефлексия. Превосходящая ценность видов могла бы оправдать определенные меры для их защиты, но не неприкосновенность достоинства индивидуальной личности в качестве источника нормативных требований.

Два решающих этапа в генеалогии понятия по-прежнему упускаются из виду. Во-первых, за универсализацией должна следовать индивидуализация. Проблема состоит в ценности индивида в горизонтальных связях между различными человеческими существами, а не в статусе человеческого существа в вертикальной связи с Богом или «низшими» существами на эволюционной шкале. Во-вторых, относительное превосходство человечества и его участников должно быть

конституционного государства, основанного на гражданских правах. K. Gunter, "Liberale und diskurstheoretische Deutungen der Menschenrechte", in W. Brugger, U. Neumann and St. Kirste (eds.), *Rechtsphilosophie im 21. Jahrhundert* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008), p. 338-59.

²⁰ Waldron (2007), p. 201.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

заменено абсолютной ценностью всякой личности. Вопрос состоит в уникальной ценности каждого человека. Эти два этапа были осуществлены в Европе, когда философией были освоены идеи из иудейско-христианской традиции, процесс, на который я хотел бы вкратце обратить ваше внимание²¹.

Тесная связь между *dignitas* и *persona* была обозначена уже в античности, но только в средневековых спорах о создании человека по образу и подобию Божьему индивид освободился от своего набора социальных ролей. Каждый должен предстать на Страшном Суде как незаменимая и уникальная личность. Другой этап концептуальной истории индивидуализации представлен в направлениях испанской схоластики, которая стремилась провести различие между субъективными правами и объективной системой естественного права.²² Главные параметры наконец-то были определены морализацией концепции индивидуальной свободы в работах Гуго Гроция и Самуэля фон Пуфендорфа. Кант радикализировал это понимание в деонтологическую концепцию автономии; тем не менее, ценой за радикальность этой концепции стало умаление статуса свободной воли в трансцендентном «царстве целей». Свобода, согласно этой концепции, состоит в способности самоотдачи и следовании разумным законам, отражающим единство ценностей и интересов. Отношение разумных существ друг к другу определяется взаимным признанием законодательной воли друг друга, когда каждый человек должен «относиться к человечеству в своем лице (так же, как и в лице всякого другого) всегда только как к цели и никогда – как к средству».²³

Это категорический императив определяет границы области, которые должны оставаться полностью вне пределов расположения других. «Бесконечное достоинство» каждого человека заключается в его утверждении, что все другие должны уважать неприкосновенность этой сферы свободной воли. Однако понятие человеческого достоинства не приобретает никакого систематического значения у Канта; вместо этого бремя оправдания и обоснования в полной мере возложено на морально-философское объяснение автономии. Для того чтобы понять, что мы подразумеваем под человеческим достоинством, в первую очередь необходимо пояснить значение «царства целей».²⁴

²¹ На богословском фоне концепции прав человека, см. анализ исторических идей Т. Штейна.

²² Ernst Buckenforde, *Geschichte der Rechts- und Staatsphilosophie* (Mohr Siebeck), Tubingen 2002, 312-370.

²³ Kant, *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, p. 41 (4:432)

²⁴ Kant, *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, p. ? (BA 78 oder Weischedel Bd IV, 68): “Im Reich der Zwecke hat alles entweder einen Preis, oder eine Würde. Was einen Preis hat, an dessen Stelle kann auch etwas anderes, als Aquivalent, gesert werden; was dagegen aber allen Preis erhaben ist, mithin kein Aquivalent verstattet, das hat eine Würde”.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

В доктрині права Кант вводить права людини – або, скоріше, «виключальне» право, на яке кожен може претендувати в силу свого людського гідності, – прямою відсилкою до свободи кожного, «благодаря которой она может сосуществовать со свободой всех остальных в соответствии с универсальным законом».²⁵ Згідно Канту, права людини також набувають своє моральне значення, яке вони провозглашають на мові позитивних законів, на основі універсалістської та індивідуалістическої концепції людського гідності. Тем не менше, останнє уподобляється інтелектуальної свободі за межами простору та часу і позбавляється саме тих конотацій свого статусу, які єдині кваліфікували його як концептуальну зв'язь між мораллю та правами людини. Таким чином, втрачає свою силу тезис про законодавчий характер прав людини, а саме про те, що вони захищають людське гідність, під яким розуміється самоповага та соціальне визнання статусу в просторі та часу, виходяче з демократическої громадянськості.²⁶

3. Моральний потенціал примусових прав пояснює, чому основи конституційних держав наприкінці XVIII століття привело до провокаційної напруженості в сучасному суспільстві. Звичайно, в соціальній сфері всюди існує різниця між нормами та реальним поведінням; тем не менше, невідоме подія в конституційній практиці рішень привело повністю до іншого, утопічного розриву в часовій мірі. З одного боку, права людини можуть набувати властивості нормативних, примусових прав тільки в межах конкретного політичного суспільства, тобто в межах національного держави. З іншого боку, права людини пов'язані з універсалістськими претензіями на достовірність, виводячими за межі всіх національних кордонів.²⁷ Це протиріччя знайде розумне рішення тільки в конституціоналізованому світовому суспільстві (не

²⁵ Kant, *The Metaphysics of Morals*, ed. and trans. M. Gregor (Cambridge: Cambridge University Press, 1996), p. 30 (6:237)

²⁶ В передумовках власної теорії Канта немає, звичайно, ніякої необхідності в «посередничестві» між трансцендентним царством свободи та феноменальним царством необхідності. Як тільки вільна воля незначного характеру детрансценденталізується, концептуальний розрив між мораллю та законом повинен бути подолає. І це пограничне становище концепції людського гідності, яке забезпечує цю зв'язь.

²⁷ A. Wellmer, "Menschenrechte und Demokratie", in Gosepath and Lohmann (eds.) (1998), pp. 265-91. Проникливий аналіз прихованих значень розриву між правами людини та громадянськими правами, як для громадян, так і для іноземців-резидентів в межах національного держави, міститься: E. Denninger, "Die Rechte der Anderen". *Menschen und Bürgerrechte im Widerstreit*, *Kritische Justiz* Jg. 42, Heft 3, 2009, 226-238.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

обязательно с признаками мировой республики).²⁸ С самого начала, диалектическая напряженность существовала между правами человека и утвержденными гражданскими правами, которая может внести взаимодополняющую динамику при благоприятных исторических условиях.

Это не означает самодвижущуюся динамику, которая заменит диалектическое противоречие между включением и исключением. Укрепление механизмов защиты прав человека в рамках национальных государств или же глобальное распространение прав человека за пределы национальных границ никогда не было возможно без социальных движений и политической борьбы, без мужественного сопротивления угнетению и деградации. Борьба за имплементацию прав человека продолжается сегодня в наших собственных странах, так же как в Иране, Китае, разных частях Африки, России, Косово. Всякий раз, когда беженца депортируют из аэропорта, так и не открыв перед ним двери, когда корабль, перевозящий беженцев, опрокидывается при переправе с Ливии на итальянский остров Лампедуза, когда пули летят в пограничное ограждение между Соединенными Штатами и Мексикой, мы, граждане Запада, сталкиваемся с еще одной тревожной проблемой. Первая декларация прав человека установила стандарт, который вдохновляет беженцев, обездоленных, подвергшихся остракизму и унижению; стандарт, который может дать им уверенность в том, что их страдания – это не их природное предназначение. Перевод первого права человека в позитивное право породил правовую обязанность реализовывать

²⁸ По поводу конституционализации международного права см. J. Habermas, “Does the Constitutionalization of Internal Law and the Legitimation Problems of a Constitution for World Society”, in Habermas, *The Divided West* (Cambridge: Polity, 2006), pp. 115-93, and “The Constitutionalization of International Law and the Legitimation Problems of a Constitution for World Society”, in Habermas, *Europe, The Faltering Project* (Cambridge: Polity, 2009), pp. 109-30. Противоречие между гражданскими и правами и правами человека не может быть разрешено исключительно через глобальное распространение конституционных государств, соединенное с «правом иметь права», как этого требует Ханна Арендт (с мыслью о потоке перемещенных лиц в конце Второй мировой войны), потому что классическое международное право оставляет международные отношения в «естественном состоянии». Потребность в координации деятельности мирового сообщества, которая между тем стала очевидной, могла бы быть удовлетворена только «космополитическим правовым состоянием» (в современном, неокантианском смысле). В этом контексте я обязан исправить серьезную ошибку в понимании текста во введении в специальный выпуск *Metaphilosophy*, Volume 40, No. 1, 2009, 2 (и в статье Andreas Foellisdal в том же выпуске, p. 85ff.). Конечно, я отстаиваю расширение коллективных политических идентичностей за пределы национальных государств и, безусловно, разделяю оговорки либерального националиста в этом отношении. Защищая многоуровневую глобальную систему, я привожу другие доводы, почему проект мирового правительства не является ни необходимым, ни осуществимым.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

взыскательные моральные требования, и это запечатлелось в коллективной памяти человечества.

Права человека составляют реалистичную утопию, поскольку они больше не рисуют обманчивые образы социальной утопии, которая гарантирует коллективное счастье, а находят опору для идеального справедливого общества в самих институтах конституционных государств.²⁹ Конечно, эта переступающая границы контекста идея справедливости также вводит проблематичную напряженность в социальную и политическую реальность. Наряду с чисто символической силой прав человека в тех «фасадных демократиях», которые мы обнаруживаем в Южной Америке и других местах³⁰, политика прав человека, проводимая ООН, выявляет противоречие между распространяющейся риторикой прав человека, с одной стороны, и злоупотреблением ею для узаконивания обычной силовой политики, с другой. Надо отметить, что Генеральная Ассамблея ООН способствует кодификации прав человека в международном праве, например, путем заключения соглашений о правах человека. Институционализация прав человека также достигла видимого прогресса: в процедуре частных петиций, в периодических докладах о ситуации с правами человека в отдельных странах и прежде всего в создании международных судов, таких как Европейский суд по правам человека и Международный уголовный суд. Наиболее впечатляющими являются гуманитарные вмешательства, уполномоченные Советом Безопасности от имени международного сообщества, иногда даже против воли суверенных правительств. Однако именно эти случаи показывают проблематичный характер попытки установить мировой порядок, который институционализирован в настоящее время только фрагментарно. Хуже, чем провал легитимных попыток, – это их неоднозначный характер, который ставит под сомнение сами моральные стандарты.³¹

Достаточно вспомнить весьма избирательные и недалекновидные решения непрезентативного и далекого от беспристрастности Совета Безопасности, или нерешительную и некомпетентную имплементацию одобренных интервенций – и их катастрофический провал (Сомали, Руанда, Дарфур). Такие полицейские операции продолжают проводиться,

²⁹ E. Bloch, *Natural Law and Human Dignity* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987)

³⁰ M. Neves, “The Symbolic Forms of Human Rights”, *Philosophy and Social Criticism* 33 (2007): 411-44.

³¹ Более того, «управляющая политика прав человека», преобладающая сегодня, все чаще разрушает связь между правами человека и демократией; см. пункт 15 выше в связи с I. Maus, “Menschenrechte als Ermächtigungsnormen internationaler Politik”, in H. Brunkhorst, W.R. Kuhler and M. Lutz-Bachmann (eds.), *Recht auf Menschenrechte* (Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1999), pp. 276-91. См. также K. Gunter, “Die Definition und Fortentwicklung der Menschenrechte als Akt kollektiver Selbstbestimmung” (Ms, 2009).

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

как в случае войн, в которых военные списывают смерть и страдания невинных гражданских людей на «побочный ущерб» (как в Косово). Силы вмешательства должны также продемонстрировать одним махом то, что они способны мобилизовать необходимую энергию и силы для задач государственного строительства – для восстановления разрушенной или пришедшей в негодность инфраструктуры в регионах, в которых мир еще не восстановлен (например, Афганистан). Когда политика защиты прав человека становится просто средством выражения основных властных интересов, когда сверхдержавы попирают Устав ООН, присваивают себе право на вмешательство и проводят вторжение в нарушение международного гуманитарного права, прикрываясь при этом общечеловеческими ценностями, это усиливает подозрения в том, что программа прав человека состоит в империалистическом злоупотреблении ею.³²

Напряжение между идеей и реальностью, которое было привнесено в саму реальность, как только права человека были переведены в позитивное право, ставит перед нами сегодня задачу думать и действовать реалистично, не изменяя при этом утопической мечте. Эта двойственность может слишком просто ввести всех нас в искушение, то ли занять идеалистическую, но уклончивую позицию в поддержку существующих моральных требований, то ли принять циничную позу так называемых «реалистов». Поскольку более не реалистично следовать Карлу Шмитту в абсолютном отвержении программы прав человека, разрушительная сила которой проникла тем временем во все регионы мира, «реализм» принимает сегодня другую форму. Прямая разоблачающая критика сменяется умеренной, выпускающей пар. Этот новый минимализм

³² Cf. C. Scmitt, *Die Wendung zum diskriminierenden Kiegsbegriff* (1938) 2. Aufl. (Duncker&Humblot) Berlin 1988; ders. *Das international rechtliche Verbrechen des Angriffsgrieges* (1945), ed. H. Quaritsch (Duncker&Humblot), Berlin, 1994. Карл Шмитт был первым, кто сформулировал это подозрение отчетливо. Он разоблачил права человека прежде всего как идеологию, которая оправдывает войну как легитимное средство разрешения международных конфликтов. Он уже возложил ответственность за тот факт, «что различие между справедливой и несправедливой войной обостряет даже более глубокое и более тотальное различие между другом и врагом», на пацифистский идеал Уилсоновской мирной политики. Как он заявил, в брутальной области международных отношений морализация врагов составляет порочный способ затушевывания собственных интересов и сокрытия их за явно преодолимой стеной намеренно рационального, поскольку гуманистического, осуждения войны. Критика «морализации» права во имя прав человека, тем не менее, бесполезна, поскольку ей недостает одного пункта, а именно перемещения морального содержания в область принудительного права. Насколько запрещение войны в действительности ведет к легальной доместикации (интернализации) международных отношений, настолько же различие между справедливой и несправедливой войной устраняется во имя различия между «законной» и противоправной войной. Об этом см. K. Gunter, “Kampf gegen das Bose?”, *Kritische Justiz* 27 (1994); 135-57.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

ослабляє претензії в області прав людини шляхом відсічення їх від основного морального імпульсу, а саме захисту рівного гідності кожного людини.

Слідуючи Джону Ролзу, Kenneth Baynes характеризує цей підхід як «політичну» концепцію³³ прав людини, на відміну від диктуємого природою права «вроджених» прав, якими кожен людина повинен володіти за своєю людською природою: «Права людини розуміються як умови для включення в політичне суспільство».³⁴ Це перший крок в ланцюгу, продовжуючий попередній аргумент. Проблематичним є наступний крок, який зводить на ніщо моральне значення цього включення, а саме те, що кожного уважають за його людське гідності як суб'єкта рівних прав. З цієї точки зору, весь підхід зводиться до питань міжнародної правової політики,³⁵ в той час як нормативний джерело цієї динаміки ігнорується, а саме напруження між універсальними правами людини і особистими громадянськими правами, яке має місце в зразкових конституціональних державах.³⁶

З цієї вузької точки зору, глобальне поширення прав людини вимагає окремого обґрунтування. На користь останнього свідчить аргумент, згідно з яким в міжнародних відносинах моральні зобов'язання між державами (і громадянами) виникають з рідущою системною взаємозалежністю і навіть в більшій ступені взаємозалежності світового суспільства³⁷;

³³ K. Baynes, "Toward a political conception of Human Right", *Philosophy and Social Criticism* 35 (2009a): 371-90.

³⁴ K. Baynes, "Discourse Ethics and the Political Conception of Human Rights", *Ethics and Global Policy* 2/1 (2009b): 1-21.

³⁵ Ч. Бейнс (2009г.) «...права людини розуміються, перш за все, як міжнародні норми, метою яких є захист основних інтересів людей і\або охорона можливостей особистості брати участь в політичному житті суспільства і бути його активним членом». Ч. Бейнс починає свою останню книгу (*The Idea of Human Rights*, Oxford University Press, Oxford 2009) з висловлювання, «що права людини стали нароботаною міжнародною практикою...»

³⁶ Для потужної критики цього мінімалістичного підходу порівн. R. Forst, *The Justification of Human Rights and the Basic Right to Justification. A reflexive Approach*, forthcoming in *Ethics*: «В основному це обманливо надавати особливе значення політичній законодавчій функції таким правам в забезпеченні причин для політики легітимної інтервенції. Це означає ставити повозку впереди лошади. Для початку нам необхідно створити певний набір прав людини, які повинні бути гарантовані через законну політичну владу, потім необхідно знати, які види юридичних структур необхідні на міжнародному рівні для нагляду за цією владою і сприянню того, що політична влада здійснюється таким чином.»

³⁷ J. Cohen, "Minimalism about Human Rights: The Most We Can Hope for". *The Journal of Political Philosophy* 12 (2004): 190-213.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

нормативные требования о включении (социальном инкорпорировании) возникают из взаимной зависимости в фактически созданном взаимодействии.³⁸ Этот аргумент многое объясняет в свете эмпирического вопроса о том, как готовность реагировать на легитимные требования инкорпорирования со стороны маргинализованных и неимущих слоев населения пробуждается в наших относительно благополучных странах. Тем не менее, эти нормативные требования сами основаны на универсалистских моральных понятиях, которые давно проникли в человеческие и гражданские права демократических конституций через идею человеческого достоинства. Лишь эта внутренняя связь между человеческим достоинством и правами человека приводит к взрывной смеси морального содержания с принудительным законом, делающей возможным построение справедливой политической конструкции.

Это привнесение морального требования в закон является наследием конституционных революций XVIII века. Для нейтрализации этой напряженности необходимо отказаться от динамического понимания, которое делает граждан нашего собственного, наполовину либерального общества открытыми для еще более исчерпывающей реализации существующих прав и вездесущей опасности их разрушения

Никольский С.А.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Аналізуються сучасні особливості феномену глобалізації в аспекті взаємодії суспільств та їх культур. Показано, що в результаті цієї взаємодії обидві культури можуть і взаємозбагачуватися, і руйнуватися.

Ключові слова: глобалізація, взаємодія, культура, самосвідомість.

Анализируются современные особенности феномена глобализации в аспекте взаимодействия обществ и их культур. Показано, что в этом взаимодействии культуры могут и взаимообогащаться, и разрушаться.

Ключевые слова: глобализация, взаимодействие, культура, самосознание.

³⁸ Baynes (2009a), p. 382: “rights and corresponding duties are created by the special relationship that individuals stand in to one another, rather than as claims individuals have simply in virtue of their humanity.”